Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2026. № 1. С. 208–221
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-1-208-221
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 1, 2026, 208–221
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

С. В. Березкина

«НАРОДА-ТО, НАРОДА НЕ ЗАБЫВАЙТЕ, ВЫСОКИЕ ГОСПОДА!» (ПИСЬМА В. Н. КАРАЗИНА К В. А. ЖУКОВСКОМУ 1841 Г.)

Svetlana V. Berezkina

"DON'T FORGET THE PEOPLE, DEAR SIRS!" (LETTERS FROM V. N. KARAZIN TO V. A. ZHUKOVSKY IN 1841)

Резюме. В статье прослеживается история взаимоотношений В. А. Жуковского с В. Н. Каразиным на основе письменных источников, в том числе неопубликованных. В 1802 г. через Д. Н. Блудова Жуковскому было передано предложение Каразина о поступлении на службу в Министерство народного просвещения, однако это не было осуществлено. В 1808 г. Каразин выступил инициатором публикации в «Вестнике Европы» писем архитектора Н. Ф. Алферова из Константинополя с целью найти благотворителей для продолжения его путешествия. Каразину принадлежали также сведения об Алферове, использованные Жуковским в редакторском примечании к журнальной публикации писем. В дневнике Жуковского отразился интерес к Каразину в 1819–1820 гг., когда опальный чиновник приехал в Петербург и попытался вернуть себе место в литературно-общественной жизни столицы. Эпизоды общения Каразина с поэтом в 1831, 1837 и 1841 гг. были связаны с положением Жуковского при императорском дворе и его возможностями для исполнения различных просьб. Публикация писем Каразина 1841 г. демонстрирует последний его проект в области народного просвещения, который был связан с организацией женского образовательного учреждения для низших сословий.
Ключевые слова: русская литература и журналистика первой трети XIX в., история народного просвещения в России, В. Н. Каразин, В. А. Жуковский.
Информация об авторе: Светлана Вениаминовна Березкина, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, s.berezkina@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1845-6834.
Для цитирования: *Березкина С. В.* «Народа-то, народа не забывайте, высокие господа!» (Письма В. Н. Каразина к В. А. Жуковскому 1841 г.) // Словесность и история. 2026. № 1. С. 208–221.
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-1-208-221

Abstract. The article examines the history of V. A. Zhukovsky's relationship with V. N. Karazin based on written sources, including unpublished ones. In 1802, Zhukovsky received Karazin's offer to join the Ministry of Public Education through D. N. Bludov, but the offer came to nothing. In 1808, Karazin initiated the publication of letters from architect N. F. Alferov from Constantinople in the "Bulletin of Europe" in order to find benefactors to continue his journey. Karazin also possessed information about Alferov, which was used by Zhukovsky in an editorial note to the journal publication of the letters. Zhukovsky's diary reflected his interest in Karazin in 1819–1820, when the disgraced official came to St. Petersburg and tried to regain his place in the literary and social life of the capital. Episodes of Karazin's communication with the poet in 1831, 1837, and 1841 were related to Zhukovsky's position at the imperial court and to his ability to fulfill various

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

requests. The publication of Karazin's letters in 1841 demonstrates his latest project in the field of public education, which was associated with the organization of an educational institution for women of the lower classes.

Keywords: Russian literature and journalism of the first third of the 19th century, the history of public education in Russia, V. N. Karazin, V. A. Zhukovsky.

Information about the author: Svetlana V. Berezkina, D. Sc. in Philology, Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, s.berezkina@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1845-6834.

For citation: Berezkina, S. V. (2026). '"Don't Forget the People, Dear Sirs!" (Letters from V. N. Karazin to V. A. Zhukovsky in 1841)', *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 1, 208–221.

Василий Назарович Каразин (1773–1842), общественный деятель и публицист, известен многими важными начинаниями на ниве российского просвещения[1]. Он заслужил особую доверенность Александра I в начальный период его царствования благодаря изложению своих идей о путях реформирования Российской империи[2], в том числе о необходимости создания Министерства народного просвещения. Во вновь учрежденном министерстве он занял видное место, став в 1802 г. правителем дел канцелярии, а затем и Особого комитета по рассмотрению уставов учебных заведений, Комиссии об училищах, наконец, Главного правления училищ, однако вскоре впал в немилость и был уволен в 1804 г.

Знакомство с Каразиным Жуковского было заочным и состоялось в 1802 г. Посредником этого знакомства выступил Д. Н. Блудов, семнадцатилетний приятель Жуковского, который только что начал свое служебное поприще в Коллегии иностранных дел, но близко сошелся с Каразиным и увлекся его идеями по развитию просвещения в России. 30 ноября 1802 г. Блудов писал Жуковскому из Петербурга: «Г-н Каразин, ныне правителем в канцелярии Министерства просвещения ⟨...⟩ говорил мне, узнав о твоей отставке и знав прежде о твоих талантах (он старается всеми способами иметь молодых людей с талантами, а особливо стихотворцев, хороших, разумеется). ⟨...⟩ он очень желал бы знать, пойдешь ли ты в службу!» Блудов приводит в письме свой разговор с Каразиным о Жуковском, в котором предупредил его: «Он же не богат и не мог бы жить в Петербурге своими доходами!» — на что получил ответ: «Ему можно определить хорошее жалование». Далее Блудов просил Жуковского: «...скажи мне, можешь ли, хочешь ли и каким образом служить при М⟨инистерстве⟩ П⟨росвещения⟩. ⟨...⟩ Я думал, что тебе

[1] См.: [Тихий; Багалей; Биобиблиография; Грачева 2012].

[2] По мнению Р. Ю Данилевского, «Каразина вдохновляла идея совершенного общества, основанного на христианской любви всех ко всем, на любви к „истине и добродетели", а также на достижениях науки» [Данилевский, с. 67].

будет приятно служить в таком месте, где тебе сделают должность из славных твоих склонностей, где ты можешь быть очень полезен и где ⟨...⟩ будешь служить вместе с добрым твоим Блудовым; но это еще тайна[3] ⟨...⟩ если определят тебе рублей тысячу жалованья, то ты можешь жить порядочно» [Березкина, Дмитриева, с. 73][4]. В конце письма Блудов советовал Жуковскому прямо написать Карамзину о своем согласии[5].

В 1802 г. протекция Карамзина, конечно же, сулила большие перспективы для чиновничьей карьеры. Министерство народного просвещения, по словам М. И. Сухомлинова, было в начале царствования Александра I местом особенным, поскольку состояло «из лиц, самых близких к государю, пользовавшихся его наибольшим доверием, расположением и дружбою» [Сухомлинов, с. 13]. Поступить туда на службу не удалось ни Блудову, ни Жуковскому (хотя маловероятно, что поэт решился бы на переезд в Петербург в 1803 г.). Впоследствии, когда Жуковский был назначен в 1818 г. на должность наставника в русском языке при великой княгине Александре Федоровне, супруге будущего императора Николая I, его причислили именно к этому министерству.

Знакомство Жуковского с Карамзиным произошло в ближайшие после 1803-го годы, о чем можно судить по истории одной публикации в «Вестнике Европы». В 1808–1810 гг. это издание редактировалось Жуковским, Карамзин же дебютировал в нем еще в 1803 г. В № 7 журнала за 1808 г. были напечатаны «Два письма русского путешественника» с обширнейшим примечанием (почти статьей) Жуковского об авторе этих писем, страстном любителе искусств (в примечании же называлось и его имя)[6]. В публикацию попали письма Н. Ф. Алферова (1777–1842) за 1805 и 1807 гг. из Константинополя, обнаруживающие, с одной стороны, огромное трудолюбие и заинтересованность путешественника в расширении своих знаний в области архитектуры, а с другой — большую материальную нужду. Адресованы они были, как писал Алферов, «моим благодетелям и моим родным» [Алферов, с. 215]. Карамзин, приходившийся Алферову родственником, оказал ему поддержку в самом

[3] «Тайной» Блудов называет здесь свое намерение перейти в Министерство народного просвещения. В другом письме к Жуковскому, 22 января 1803 г., он написал об этом определеннее: «Моя жизнь течет в монотонии, ожидаю места при министре просвещения и так привык ждать, что мне едва ли хочется видеть решение» [Березкина, Дмитриева, с. 78].

[4] О попытке Блудова перейти в Министерство народного просвещения в 1802–1803 гг. см. также: [Ковалевский, с. 36].

[5] В публикуемом ниже письме от 7 февраля 1841 г. Карамзин упомянул о «более нежели сорокалетних чувствах» своего «глубокого почитания» Жуковского. Возможно, ему были памятны разговоры с Блудовым о привлечении поэта на службу в Министерство народного просвещения.

[6] См.: [Алферов; Жуковский, т. 10, кн. 2, с. 497–499, 757].

начале путешествия[7]. Именно он, по справедливому указанию И. А. Айзиковой, и был упомянут Жуковским в редакторском примечании как «В. Н. К.» [Жуковский, т. 10, кн. 2, с. 757]. С большой степенью вероятности можно утверждать, что инициатива публикации «Двух писем...» принадлежала Каразину, надеявшемуся через журнал найти для Алферова благотворителей (в статье даже называлась необходимая путешественнику сумма — 1000 рублей). Примечание редактора было подписано литерой «Ж.», но при этом в нем использовались сведения (в частности, о происхождении и работах Алферова), сообщенные сторонним лицом, а именно инициатором публикации. Судя по тому, что в Россию Алферов вернулся только в 1810 (или 1811) г., можно считать, что после публикации «Двух писем...» и воодушевленного примечания к ней Жуковского материальную помощь он получил.

Публикация «Двух писем...» была подготовлена Каразиным. А. А. Палицын (ок. 1747 — 1814 или 1816), поэт, переводчик, архитектор, впоследствии сделавший Алферова своим наследником, писал Каразину 30 марта 1806 г.: «Николай Федорович Алферов, обязанный Вашему о нем попечению путешествием своим, просит меня доставить письмо его к Вам и приложить списки с писем его ко мне из Константинополя» [Багалей, с. 882]. Почти одновременно Каразиным была подготовлена и вторая публикация об Алферове, появившаяся в № 10 «Русского вестника» за 1808 г. под названием «Письмо молодого русского художника о древностях афинских, писанное к А. А. П⟨алицыну⟩ и В. Н. К⟨аразину⟩». В ней, правда, не содержалось призывов к благотворителям о помощи Алферову, которые с готовностью поместил на страницах «Вестника Европы» Жуковский. О подписке на новый журнал, «Русский вестник», Каразин усиленно хлопотал у себя на родине в 1808 г.[8]

Каразин в какой-то момент, по-видимому, был очень интересен Жуковскому, о чем можно судить по его дневниковой записи, сделанной 21 августа 1819 г. В этот будний день Жуковский дважды побывал у А. И. Тургенева, сначала «поутру», а затем, скорее всего, предупрежденный о ком-то из приглашенных к нему, вечером: «К Тургеневу. Боголюбов. К⟨нязь⟩ Баратов[9].

---

[7] «Заметив в молодом Алферове особенную склонность к рисованию, — писал Д. И. Багалей, — Василий Назарович походатайствовал ему дозволение усовершенствоваться за границей, помогал ему, сколько мог, своими деньгами и выпрашивал вспомоществование у других. Впоследствии вышел действительно из этого Алферова даровитый архитектор» [Багалей, с. 882].

[8] См.: [Багалей, с. 884].

[9] Из тех, кого Жуковский встретил в этот день у Тургенева, он упомянул, помимо Каразина, В. Ф. Боголюбова и князя Баратова. Что касается В. Ф. Боголюбова, чиновника МИДа, весьма занимательного в общении и принятого в лучших петербургских домах, он позднее нажил себе репутацию человека гнусных нравов, шпиона и предателя (см., например: [Черейский, с. 43]). Князь Баратов (инициалы в издании дневника поэта не раскрыты — см.: [Жуковский, т. 14, с. 570])

Каразин. Домой» [Жуковский, т. 13, с. 131]. Каразин в это время только появился в Петербурге после большого перерыва. Это был знаменательный для него приезд, поскольку в ноябре 1819 г. он сделался членом Вольного общества любителей российской словесности, где развернул активную деятельность[10]. Отстраненный от министерства и общения с императором, Каразин, по справедливому заключению Ю. Е. Грачевой, хотел вернуть свои позиции, утвердившись как в литературном, так и в чиновничьем мире [Грачева 2008]. Общение с министром внутренних дел гр. В. П. Кочубеем, которому он в это время передавал для ознакомления свои выступления и записки (с упоминанием имен авторов вольнолюбивых сочинений), было своего рода преодолением запрета, наложенного на него в 1808 г. в связи с многочисленными обращениями к высшим властям по поводу внутриполитических проблем Российской империи. Закончилось все это в 1820 г. для Каразина печально, поскольку он оказался в крепости, где провел шесть месяцев.

После этого Каразин надолго исчез из записей Жуковского. Вновь его имя появилось в дневнике поэта только осенью 1831 г., когда Жуковский приехал в Москву в свите наследника престола великого князя Александра Николаевича. Каразин к этому времени получил разрешение жить в подмосковном имении жены с наездами в Москву. 29 октября 1831 г. (на другой день после своего приезда) Жуковский отметил в дневниковой записи важное церемониальное событие — посещение Кремля, с которого неизменно начиналась жизнь членов царской фамилии в Москве: «Ход в Успенский собор. Ермолов. Каразин» [Жуковский, т. 13, с. 317]. Как показали дальнейшие события, рядом с наследником и его свитой Каразин оказался не случайно. Отъезд великого князя состоялся 12 ноября, а 10 ноября, как это видно из дневника Жуковского, Каразин улучил в Кремле момент для обращения к нему с просьбой, о которой поэт упомянул так: «Осмотр Архангельского собора. Глупая просьба Каразина» [Жуковский, т. 13, с. 318]. Вероятнее всего, она была связана с устройством на службу в МИД сына Каразина Феофилакта. В течение своей придворной службы Жуковский постоянно получал от разных лиц просьбы о помощи в устройстве на службу в то или иное ведомство.

встречается у Жуковского еще раз в записи от 17 августа 1819 г. Она была связана с пребыванием в Царском Селе, и в ней фигурировали представители придворного общества [Жуковский, т. 13, с. 130]. Можно предположить, что в фамилии была сделана Жуковским ошибка, а имел он в виду князя Михаила Петровича Баратаева (1784–1856), известного масона, симбирского предводителя дворянства, упоминаемого в переписке братьев Тургеневых 1817–1818 гг.

[10] К этому времени относится публикация статьи Каразина «Еще отрывок из дневной записки Украинца» с описанием собрания Российской академии, где был прочитан, среди прочего, переведенный Жуковским отрывок из «Метаморфоз» Овидия «Цеикс и Гальциона» (1819), которому он дал самую восхищенную характеристику [Каразин 1820, с. 95].

Когда речь заходила о Министерстве иностранных дел, то он сразу же отказывался, поскольку это находилось вне круга его возможностей. Характер упоминания Каразина в дневнике говорит о том, что его состояние было уже близко к «умоисступлению», которое проявилось в ноябре 1831 г. в нелепом и шумном конфликте с графом А. Х. Бенкендорфом. Каразин подозревал его в противодействии своему сыну, которого тот якобы желал погубить. В итоге сын остался без места, а отец был вновь выслан в свое украинское имение. Этот конфликт прослежен по переписке Каразина и Бенкендорфа в публикации Н. Ф. Дубровина[11].

Через шесть лет Жуковский вновь встретился с Каразиным, на этот раз в Харькове во время путешествия по России цесаревича Александра Николаевича. 12 октября 1837 г. (на следующий день после приезда туда) Жуковский записал в своем дневнике: «Пребывание в Харькове. У меня Каразин, Малиновский...» [Жуковский, т. 14, с. 80][12]. Важно, что Каразин успел побывать у Жуковского ранним утром, поскольку далее начался хлопотный день, полный разнообразных встреч и представлений цесаревичу (харьковский архиепископ, институт благородных девиц, университет и его профессора, губернатор и «губернаторша», осмотр выставки («главный продукт шерсть»), обед у великого князя, а затем бал и «блестящее общество»). Каразин успел договориться с Жуковским о встрече утром следующего дня, однако она не состоялась из-за того, что путешественник не смог вспомнить, кто из них должен был отправиться с визитом. Об этом свидетельствует письмо Жуковского к Каразину от 13 октября 1837 г.: «...я ждал Вас, и для того не поехал отыскивать Вас, что боялся с Вами разъехаться. ⟨...⟩ Итак, сожалею, что должен уехать, не имев удовольствия побывать у Вас» [Жуковский т. 18, кн. 1, с. 124–125]. В тот же день цесаревич и его свита отбыли из Харькова.

Эпизод с Каразиным, относящийся к осени 1837 г., на этом, однако, не закончился. Видимо, он написал ответ Жуковскому, посланный вслед за уехавшими в Крым царедворцами. А затем было еще одно письмо поэта, о котором Каразин вспомнил в письме к нему от 10 апреля 1841 г.: «...два прекрасные письмеца ваши, написанные ко мне, в проезд Ваш с Государем Цесаревичем». Второе из этих двух писем Жуковского к Каразину, отправленное в Харьков в конце 1837 г., нам неизвестно. Это говорит о том, что отразившиеся в текстах Жуковского моменты его контактов с Каразиным, конечно же, не дают полной картины их общения. Об этом свидетельствуют

[11] См.: [Дубровин].

[12] Помимо Каразина и И. В. Малиновского, лицейского друга Пушкина, среди утренних посетителей Жуковского упомянуты еще двое, личности которых не поддаются определению («Петров, Катерина Ивановна»).

и письма Каразина 1841 г., запечатлевшие высочайшую оценку личности Жуковского. В них он с восхищением писал о «ценном для России, но трудном поприще», которое Жуковский как наставник наследника русского престола сумел пройти до конца (т. е. до совершеннолетия воспитанника). Важно и то, что в последнем из писем к Жуковскому Каразин назвал себя его «старым другом». Приятельские отношения с ним он мог относить к 1819–1820 гг., когда они встречались в Петербурге у Тургеневых.

Обращения к Жуковскому в письмах 1841 г. были вызваны новым проектом Каразина в области народного просвещения. Из всего, что было сделано им для Харькова, наибольшую известность приобрела инициатива, связанная с открытием в 1805 г. Императорского Харьковского университета (с 1999 г. он носит имя В. Н. Каразина). Особое внимание Каразин уделял развитию женских образовательных заведений. 25 августа 1839 г. в «Прибавлении к Харьковским губернским ведомостям» была напечатана статья Каразина «Переход Харьковского института благородных девиц», в которой речь шла о переезде института в новое здание. Заканчивалась она такими словами: «Остается одно желание: о, да исполнится оно в наше время, если возможно! Старое помещение благородных девиц да займется училищем, девичьим же, но для среднего состояния». Каразин так определял характер образования в нем: «...просто уменье грамоте, сколько того требует религия и первейшие общественные нужды, женские ремесла, уменье сеять и садить на огороде, одевать и кормить свое семейство» [Каразин 1839, с. 234; Багалей, с. 594–595]. Упрощая и даже несколько утрируя, Каразин прилагал к воспитанию девочек из среднего сословия принципы, с екатерининских времен утвердившиеся в основании всех женских школ Российской империи, призванных воспитывать истинных христианок, чадолюбивых матерей, попечительных хозяек.

Предложение об использовании старого институтского здания затрагивало казенную собственность, поэтому решение по нему могло быть принято только в Петербурге [13]. Каразину была свойственна постоянная тревога о настроениях русского общества, волнуемого недовольством. Для него была важна мысль о том, что денежные вложения в женское обучение намного выгоднее для государства, поскольку женщине не свойственно возбуждать «умы и сердца ⟨...⟩ противу существующего порядка» [Багалей, с. 597]. С этой выигрышной, как считал Каразин, позиции он начал искать в Петербурге пути для организации задуманного им учебного заведения. 26 сентября 1839 г. он обратился к Бенкендорфу, предупредив его о посылке «листа из губернских

[13] Впоследствии здание было передано Харьковской городской думе, которая использовала его для выплаты пенсий институтским служащим [Жебылев, с. 54].

наших газет» со своей статьей. В этом письме Каразин утверждал: «Начальница здешнего института благородных девиц, да и многие очень одобряли эту мысль. Легко ей состояться, если вы подкрепите на одной из приватных бесед ваших!» 4 октября 1839 г. он прислал Бенкендрфу копию своей записки «О воспитании женского пола в низших сословиях», сделав на ней приписку: «Не взыщите, добрейший граф, если этот список с препровожденной ее императорскому величеству бумаги будет в каком-нибудь незначительном выражении не точен против оригинала. Писавши, я поправлял, а теперь иное диктовал сыну из памяти» [Дубровин, с. 26].

В письме к Бенкендорфу от 15 ноября 1839 г. Каразин дал учебному заведению, о котором он ратовал, дерзновенное название «Институт для низших состояний» [Дубровин, с. 26–27; Багалей, с. 839]. Рассматривался его проект долго, с переменой инстанции (после императрицы он был передан великой княгине Марии Николаевне, активно занимавшейся благотворительностью). В конце концов Каразин решил прибегнуть к помощи Жуковского, чтобы узнать о судьбе своего прошения. При этом он надеялся, что Жуковский захочет стать для него «не только известителем, но даже *ходатаем*». Именно с этим проектом были связаны два письма Каразина к Жуковскому 1841 г. К первому письму, от 7 февраля 1841 г., прилагались копия прошения (о нем мы скажем ниже) и статья «О воспитании женского пола в низших сословиях», только что опубликованная в «Прибавлении к Харьковским губернским ведомостям» [Каразин 1841; Багалей, с. 596–599]. Можно считать, что статья представляла собой публикацию первой записки Каразина, вероятнее всего переработанной. В публикации был дан подзаголовок с отсылкой к статье 1839 г. («Распространение мысли, которая была изложена в „Харьковских ведомостях“ 1839 года, на стр. 234»). В новой статье Каразин жестко писал о нравах женского пола «в наших деревнях и городках[14] — его невежестве, вредных предрассудках, пьянстве явном и скрытном, которому он предается, заражая им, в простоте чувства, своих детей — увы! — еще с колыбели». Высшим достижением училищ для девочек из «низших состояний» должно было стать «приуготовление учительниц», другие же, по выходе из них, «останутся мастерицами, экономками, прислужницами и так далее». Целью их образования Каразин провозгласил «умножение» в низшем сословии «тысячами и десятками тысяч новых домоводок, мастериц всякого рода, прилежных

[14] Сходные мысли высказывались Каразиным еще в 1813 г. на собрании харьковского Филотехнического общества, когда он говорил о необходимости «усилить домоводство» применительно к женским занятиям: «...толпы женщин по хуторам полуденных губерний всю зиму лежат без дела, не в состоянии бывши мужьям своим и сыновьям придумать помощи к заплате податей» [Багалей, с. 242].

и умных работниц», поэтому здесь «довольно одного русского языка, катехизиса, первых частей арифметики и начал некоторых других, необходимых для домоводки, познаний». В своей статье он взывал к благотворительницам, подчеркивая, что «своими изделиями» пансионерки смогут сами содержать подобное заведение: «...огородные засевы лучших сортов зелени и продажа оной в разных приуготовлениях зимою и летом ⟨...⟩ шитье белья, женского платья, вышиванье и наряды для всех состояний, коверное дело, варенья, от коих богатеют киевлянки, и пр.». Женские школы, по мнению Каразина, способствовали бы «распространению в народе людскости и добрых нравов» [Каразин 1841, с. 23; Багалей, с. 599].

К письму Каразина от 7 февраля прилагалась копия прошения девиц Логачевых, сестер Софии Александровны и Елизаветы Александровны (не сохранилась). Это были племянницы Каразина, дочери его умершей сестры[15]. В прошении речь должна была идти об открытии школы для девочек из низших сословий. Можно не сомневаться, что прошение было составлено самим Каразиным и лишь подписано его племянницами. К моменту его подачи он мог уже найти поддержку своему начинанию среди харьковских благотворительниц.

Письмо Каразина от 10 апреля 1841 г. — это жалоба на отсутствие ответа от Жуковского. Сам момент его обращения с просьбой был для поэта чрезвычайно сложным по множеству жизненных обстоятельств. До Каразина дошли смутные слухи о перемене в жизни Жуковского, и он поздравил его в первом письме с «добрым супружеством», еще не зная о предстоящем ему отъезде из России. В феврале 1841 г. Жуковский жил в Москве, прощаясь со своими друзьями и родными перед отъездом в Германию к своей невесте. Затем, немногим менее двух месяцев, он провел в больших хлопотах в Петербурге, откуда уехал 3 мая 1841 г., как оказалось, навсегда. Можно ли из этого заключить, что ответа Каразину от него не было? Полагаем, что ответ был (вероятнее всего, из Петербурга), и в нем речь могла идти о невозможности выполнения его просьбы.

Каразина по-настоящему заботили нужды простого люда. Его отношение к «крестьянскому вопросу» рассмотрено в монографии В. И. Семевского, который показал, что для Каразина, владельца более чем трехсот крепостных на Слобожанщине (ныне Харьковская обл.), это было «почтенное бремя», включающее в себя ответственность, попечение и ходатайство за них (они принадлежат помещику, как «дети принадлежат отцам») [Семевский, с. 370–382]. Об этом свидетельствует и публикация сыном Каразина письма

[15] См. о них: [Багалей, с. 845–849].

от 23 марта 1846 г. Федора Манжаренко, крепостного крестьянина каразинского имения Кручик. В примечании к письму было указано, что «почти все кручанские поселяне были грамотны, и при том их научили быть религиозными» [Каразин 1860, с. 370]. Роль ходатая Каразин принимал на себя в отношении не только своих крестьян. Так, 27 декабря 1839 г. он обратился с письмом к графу А. Х. Бенкендорфу, шефу III Отделения, как к последней инстанции на том пути, который ему пришлось пройти, пытаясь защитить в какой-то сложной жизненной ситуации «бедных хохлов», не нашедших в суде ни правды, ни защиты от «жестокости» и «настоящих убийств» [Багалей, с. 844]. Сочувствие к простому народу было особенностью его душевного склада, что отразилось и в письмах, которые публикуются ниже.

Письма В. Н. Каразина к В. А. Жуковскому 1841 г. хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, № 28066 (2 письма, 3 листа). Орфография и пунктуация публикуемых писем приведены в соответствие с современными нормами, но с сохранением некоторых особенностей оригинала.

1

7 февраля 1841 г.

Милостивый Государь Василий Андреевич!

Давным-давно уже я к вам не писал: и в том винюсь теперь, поздравляя Ваше Превосходительство за один раз со всем приятным, с вами происшедшим, в том числе и с добрым супружеством — если то правда! Усерднее всего поздравляю с приближением к концу вашего столько ценного для России, но трудного поприща. Вам одному, кажется, судьба позволила *начать* — и *кончить*! Да благословит Бог высокого питомца вашего быть столько ж счастливым мужем, как был им счастливый отрок и счастливый юноша![1] Это чистосердечное желание почти уже семидесятилетнего старика, незнаемо к нему привязанного, в полном смысле доброжелательного августейшему дому своих Государей.

Вам известно, предобрый Василий Андреевич, что я никого при дворе не имею. Переписывается кое-кто со мною; но весьма церемонно. К вам лишь, зная благороднейшую вашу душу, могу я прибегнуть — чтобы узнать истину о следствии прилагаемого у сего прошенья моих племянниц, которые мне под попечительство дворянскою опекою отданы. Но кто знает? Может статься, вы в добром этом деле захотите быть не только известителем, но даже *ходатаем*: все благомыслящие наши украинцы давно ожидают чего-нибудь подобного. Удостойте прочесть статейку мою, недавно напечатанную в наших

губернских *прибавлениях*, которая, вероятно, будет помещена и в «Р⟨усском⟩ Инвалиде» (ибо редактор — ей-богу, не знаю кто? — часто делает мне эту честь), о воспитании девиц из нижних состояний народа[2].

О, если б это состоялось, то я спокойно бы глаза смежил, ибо глубоко чувствую нужду в институте для образования народных учительниц!.. Вам ближайшее средство действовать на народ наш, столь далеко, *далеко* отставший от вышних классов! И дело это достойно внуки незабвенной Марии и Супруги Того, которого возвращенье с небес к нам вы воспели так трогательно![3]

Простите, добрейший Василий Андреевич, примите уверение в более нежели сорокалетних чувствах моего к вам глубокого почитания!

Вашего Превосходительства
преданнейший и покорнейший слуга

Василий Каразин.

Февр⟨аля⟩ 7. 1841.

[1] Речь идет о предстоящей свадьбе великого князя Александра Николаевича, которая состоялась 16 апреля 1841 г.

[2] Имеется в виду опубликованная в Харькове статья Каразина «О воспитании женского пола в низших состояниях» (см. выше), однако в «Русском инвалиде» (ред. П. П. Пезаровиус) она не появилась.

[3] Слова «внука» (т. е. внучка) и «Супруга» Каразин относит к великой княгине Марии Александровне, невесте наследника. Что касается «возвращенья с небес к нам», которое воспел «трогательно» Жуковский, то, по-видимому, имеется в виду его послание «Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение великого князя Александра Николаевича» (1818), где новорожденный был назван «милым пришельцем в Божий свет» [Жуковский, т. 2, с. 96]. В словах Каразина о «внуке» (внучке) усматривается и намек на традицию русского императорского дома, заложенную вдовствующей императрицей Марией Федоровной, согласно которой супруга императора возглавляла особое ведомство, связанное с благотворительностью и охватывающее, в первую очередь, учебные заведения. Вступлению императрицы Александры Федоровны на это поприще после смерти Марии Федоровны посвящено стихотворение Жуковского «Видение» (1828).

2

10 апреля 1841 г.

Милостивый Государь, душевно почитаемый Василий Андреевич!

Вот уже и два месяца, и с лишечком, минуло, как я писал к вам. Нет ответа!.. всякую почту говорю я себе: «Погоди! Вот уж верно в следующую получишь. В⟨асилий⟩ А⟨ндреевич⟩ *человек*, а не просто придворный человек; а если и придворный, то необыкновенный». Неужели мне опять зажигать диогеновский фонарь? Знай, почитываю два прекрасные письмеца ваши, написанные ко мне в проезд ваш с Государем Цесаревичем, чтобы увериться, что *не надобно* зажигать. Две, три строки: довольно! «Что ⟨до⟩ вашего-де

проэкта девиц Логачевых — ничему не бывать»; или — «принято-де благосклонно, полу́чите ответ после свадьбы». Отрежьте хоть эти строки *мои*, да запечатав в куверт, пришлите.

Вашего Превосходительства
преданный и покорнейший слуга

Василий Каразин.

Апр⟨еля⟩ 10. 1841. Харьков.

У нас собираются праздновать августейшее бракосочетание[1] благотворениями общественными в разных видах. О, купить бы и это училище!.. Народа-то, народа не забывайте, высокие господа! А он только и знает вас по взыскиваемой с него беспощадно недоимке[2]. Воспитайте его, научите его полезным ремеслам и прочему европейскому быту прежде; дайте ему *способы* приобретать: да тогда и взыскивайте. *Мы* с нашею роскошью в XIX веке, а он, весь еще почти, в XVII-м.

Особливо надлежит приуготовить умных *матерей*, от которых чрезвычайно много будет зависеть. Это-то и было моею целью в бумагах — о участи которых, знать, забывают: и старого друга-труху!

[1] См. выше примеч. 1.

[2] По-видимому, Каразин не знал, что у Жуковского, в отличие от него, не было крепостных крестьян.

Литература

Алферов — [*Алферов Н. Ф.*] Два письма русского путешественника // Вестник Европы. 1808. Ч. 37, № 7. С. 200–222.

Багалей — Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина, собранные и редактированные проф. Д. И. Багалеем. Харьков: Харьк. ун-т, 1910. 927 с.

Березкина, Дмитриева — *Березкина С. В., Дмитриева Н. Л.* «Любезный друг Жуковский» (письма Д. Н. Блудова к В. А. Жуковскому, 1801–1817) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2023 г. СПб.: Росток, 2023. С. 55–117.

Биобиблиография — В. Н. Каразин, 1773–1842: Биобиблиография / Под ред. Л. И. Гуревича. Харьков: Изд-во Харьков. ун-та, 1953. 116 с.

Грачева 2008 — *Грачева Ю. Е.* Василий Назарович Каразин и петербургское общество на рубеже 1810–1820-х годов XIX века // Вестник ПСТГУ. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. 2008. № 1 (16). С. 24–41.

Грачева 2012 — *Грачева Ю. Е.* «Позвольте мне быть полезным!»: Василий Назарович Каразин на государственной службе и в общественной жизни России первой трети XIX в. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. 183 с.

Данилевский — *Данилевский Р. Ю.* Бессмертие маркиза Позы // Вожди умов и моды: Чужое имя как наследуемая модель жизни. СПб.: Наука, 2003. С. 49–79.

Дубровин — *Дубровин Н. Ф.* Граф А. Х. Бенкендорф и В. Н. Каразин // Русская старина. 1903. Т. 114, № 4. С. 5–27.

Жебылев — *Жебылев Н. Г.* Краткий исторический очерк деятельности Харьковского института благородных девиц за 100 лет его существования (с 1812-го по 1912-й год). Харьков: Типолит. М. Дрейшпуль и сыновья, 1912. 31 с.

Жуковский — *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2000. Т. 2. 841 с.; 2004. Т. 13. 610 с.; Т. 14. 801 с.; 2014. Т. 10, кн. 2. 850 с.; Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2026. Т. 18, кн. 1. 787 с. (в печати).

Ковалевский — *Ковалевский Е. П.* Граф Блудов и его время: (царствование императора Александра I). СПб.: Тип. Второго отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1866. 259 с.

Каразин 1820 — *К⟨аразин⟩ В.* Еще отрывок из дневной записки Украинца // Сын Отечества. 1820. Ч. 59, № 2. С. 93–96.

Каразин 1839 — *Каразин В. Н.* Переход Харьковского института благородных девиц // Прибавление к Харьковским губернским ведомостям. 1839. № 34, 25 авг. С. 233–234.

Каразин 1841 — *Каразин В. Н.* О воспитании женского пола в низших сословиях (1 января 1841 г.) // Прибавление к Харьковским губернским ведомостям. 1841. № 3, 23 янв. С. 21–23.

Каразин 1860 — *К⟨аразин⟩ Ф.* В. Н. Каразин (письмо к издателю «Северной пчелы») // Северная пчела. 1860. № 92, 25 апр. С. 368–370.

Семевский — *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб.: Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1888. Т. 1: Крестьянский вопрос в XVIII и первой четверти XIX века. 517 с.

Сухомлинов — *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. СПб.: Тип. Ф. С. Сущинского, 1866. 220 с.

Тихий — *Тихий Н. И.* Василий Назарович Каразин: Его жизнь и общественная деятельность. Киев: Тип. Ун-та св. Владимира, 1905. 302 с.

Черейский — *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение / Отв. ред. В. Э. Вацуро. 2-е изд., доп. и перераб. Л.: Наука, 1989. 544 с.

References

Berezkina, S. V., Dmitrieva, N. L. (2023). '«Liubeznyi drug Zhukovskii» (pis'ma D. N. Bludova k V. A. Zhukovskomu, 1801–1817)' ['"Dear Friend Zhukovsky" (Letters of D. N. Bludov to V. A. Zhukovsky, 1801–1817)'], in: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2023 god* [*Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkinskii Dom for 2023*]. St. Petersburg: Poligraf Publ., 55–117. (In Russ.)

Chereiskii, L. A. (1989). *Pushkin i ego okruzhenie* [*Pushkin and His Close*]. Leningrad: Nauka Publ., 544 p. (In Russ.)

Danilevskii, R. Iu. (2003). 'Bessmertie markiza Pozy' ['The Immortality of the Marquis of Posa'], in: *Vozhdi umov i mody: Chuzhoe imia kak nasleduemaia model' zhizni* [*Leaders of Minds and Fashion: Someone Else's Name as an Inherited Life Model*]. St. Petersburg: Nauka Publ., 49–79. (In Russ.)

Gracheva, Iu. E. (2008). 'Vasilii Nazarovich Karazin i peterburgskoe obshchestvo na rubezhe 1810–1820-kh godov XIX veka' ['Vasily Nazarovich Karazin and St. Petersburg Society at the Turn of the 1810s–1820s'], *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriia 2. Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, 1 (16), 24–41. (In Russ.)

Gracheva, Iu. E. (2012). *«Pozvol'te mne byt' poleznym!»: Vasilii Nazarovich Karazin na gosudarstvennoi sluzhbe i v obshchestvennoi zhizni Rossii pervoi treti XIX v.* [*"Let Me Be Yuseful!": Vasily Nazarovich Karazin in the Civil Service and Public Life of Russia in the First Third of the 19th Century*]. Moscow: Izdatel'stvo Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta Publ., 183 p. (In Russ.)

Zhukovskii, V. A. (1999–2026). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 20 t.* [*Complete Works and Letters in 20 Vols*]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ. Vol. 1–16; Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Publ. Vol. 17–18 (1). [Publ. continues]. (In Russ.)